

Творческая Мастерская научной фантастики

Красковский Д.

СЛЕДСТВИЕ ВЕЛИ...

Директор одного из столичных научно-исследовательских институтов (широко известных, между прочим) Петр Иванович Кандемский недовольно поморщился от трелей телефонного звонка. Ну а кому понравится, когда его будят в такую рань, да еще в понедельник? Он протянул руку и уставился на экран своего смартфона, на котором пульсировал определившийся номер. Леночка?!

Леночка была идеальной секретаршей, во всяком случае, настолько, насколько вообще возможны идеальные секретарши. Не затрудняя читателя перечислением всех ее разносторонних идеалов, отметим только, что уж Леночка-то точно не стала бы будить своего шефа в восемь часов утра. Если только... Если только не случилось чего-то действительно чрезвычайного.

– Петр Иванович! Петр Иванович! – голос Леночки срывался то на визгливый крик, то на невнятное сипение. – У нас тут в институте труп!

– Что?! – шефа буквально подбросило из-под одеяла прямо в тапки. – Кто?!

В ответ в трубке только всхлипы.

– Да кто же?! – шеф готов был расплющить смартфон.

– Васёк! – и в телефоне продолжились рыдания.

– ...! – упавшим голосом констатировал шеф. – Я так и знал...

Васёк – главный институтский весельчак и балагур, душа любой компании, был притом фантастическим разгильдяем. Но был он и настоящим гением в исследованиях аддитивных технологий, за что ему и прощалось начальством все остальное. Даже то, что был он ревностным служителем «культы тяпницы¹». Васёк действительно был одним из тех молодых ученых, у кого понедельник начинался в субботу, потому как свои выходные он обычно не помнил вовсе.

– Скоро буду! – буркнул шеф в трубку, уже натягивая свой рабочий костюм и прикидывая, где сейчас его служебный «БМВ» с личным водителем.

В тесную лабораторию, заваленную бумагами, колбами, ретортами и уставленную экспериментальными прототипами в различ-

¹ Пятница – для тех, кто любит ударно отмечать окончание рабочей недели (*народн.*).

ной степени собранности и разобранности, никого не пускали, поэтому любопытствующие сотрудники толпились за дверью. Посередине комнаты стоял письменный стол, на котором, собственно, и лежало тело. Причем раздетое. Голова была отвернута к противоположной стенке, но и так уже было понятно, что это именно Васёк: по его причёске в виде маленького конского хвостика. Вокруг тела уже бродили два столичных следователя, спешно вызванных из убийного отдела: толстый, важно носивший майорские погоны, и тонкий, – по всей видимости, стажер. Тонкий то изгибался над столом в виде вопросительного знака, то вытягивался по струнке в знак восклицательный и подобострастно заглядывал толстому в рот при каждом его слове.

Дела у этой парочки, впрочем, шли неважно. Картина преступления никак не складывалась. Тонкий уже облазил все углы, словно вынюхивая их своим длинным, как у собаки-ищейки, носом, но так и не нашел никаких следов предполагаемого преступника. Не понятно было даже, как злоумышленник мог сюда проникнуть: лабораторию явно закрыл вчера сам Васёк, причем снаружи... и, извините, как в таком случае он потом попал внутрь? Да и следов убийства никаких – ни в комнате, ни на теле. Толстый самолично осмотрел и ощупал потерпевшего, но, несмотря на свою самоуверенность, так и не смог определить ни причину смерти, ни время, когда это произошло.

Поосматривавшись еще с десятков минут, следователи раскланялись с присутствующими, потребовали, чтобы на месте преступления никто ничего не трогал, заперли и опечатали дверь лаборатории, а затем, пообещав «держат всех в курсе», удалились.

Внеочередное заседание ученого совета проходило в на редкость мрачной и гнету-

щей обстановке. Что, впрочем, было понятно: поминки обычно веселыми не бывают. Сотрудники перешептывались, ожидая, когда начальство, наконец, соберется с мыслями.

Шеф прокашлялся, и шепотки смолкли.

– Коллеги! Сегодня мы с вами собрались, чтобы почтить память нашего замечательно... – начал он торжественным тоном. Впрочем, что именно шеф собирался сказать дальше, так и осталось никому не известным. Дверь институтской столовки, традиционно используемой в качестве конференц-зала, громко заскрипела, и перед изумленными взорами собравшихся предстал Васёк, как всегда, слегка помятый, но полный энтузиазма.

– Извините, Петр Ванович, – прохрипел он. – Проспал. Больше не повторится. Только лабораторию мою откройте, мне работать надо.

Петр Иванович сел, прихватившись за сердце и так выпучив глаза, что казалось, они сейчас скинут оседлавшие нос очки в дорогой роговой оправе. Кто-то из присутствующих дам тихонько пискнул и благополучно отправился в обморок, а все остальные пялились на внезапно воскресшего Васька, словно на привидение.

– Но... кто же тогда... там... – пролепетала Леночка. – На столе?..

Васёк почесал затылок, видимо, вспоминая уже далекие для него события прошлой рабочей недели.

– На столе?... – переспросил он. – А, так я это... копию свою напечатал на 3D-биопринтере, в порядке эксперимента, – вспомнил Васёк. И подозрительно воззрился на собрание: – А что? Что-нибудь не так?

«...!» – мысленно констатировал шеф. Ведь со следователями как-никак предстояло объясняться именно ему.